

Внезапно Тан Юань осознал: этот человек тоже постарел. Теперь его одолевает кашель после глотка вина, а государственные дела согнули его некогда гордую спину. Он больше не мог поднять его, как цыплёнка, не мог отмахнуться одним движением рукава, не мог сказать: «Ему бы просто умереть».

И тот человек из детских кошмаров тоже состарился, так, что, кажется, и ветерок свалит.

Вот уж воистину — мир непостоянен.

Пока он размышлял, кто-то окликнул его.

— Юань.

— Ваш покорный слуга здесь.

— Ха-ха-ха-ха! — Услышав ответ Тан Юаня, император рассмеялся. — Говоришь, я тебе дядя, а отвечаешь так чужеродно. Разве племянник императора может быть «покорным слугой»? Может, пожалуй тебе чиновничью должность, чтобы впредь не причитал униженно «покорный слуга»?

— Не смею. Столичные чиновники прошли через государственные экзамены, все они обладают истинными талантами и знаниями. Я же — всего лишь простолюдин, разбирающийся в паре приёмов кулачного боя. Не готов нести великую ответственность, прошу Ваше Величество ещё раз обдумать. — Тан Юань вспомнил слова, что говорил ему Чжоу Фу: стоит ему остаться в столице и получить пост, как он сам станет мишенью для придворных, да ещё и втянет в беду весь род Тан.

Но император, похоже, твёрдо намерен был оставить его в столице, и Тан Юань не понимал, что тот задумал.

— Так чего же ты хочешь? Ты уже взрослый, а здоровье твоей матери, моей сестры, день ото дня слабеет. Пора тебе взять на себя семейные обязанности. Шляться без дела по рекам и озёрам — не лучшая стезя.

— Если уж Ваше Величество непременно желает меня наградить, то пожалуйста мне два поместья в Цзяннани. И доход будет, и хлопот немного. — Эти слова были искренними. Странствуя по рекам и озёрам, частенько ощущаешь нехватку серебра. Хоть он и обладал мастерством, беря за гадание двадцать лянов, но это зависело от клиентов — куда надёжнее иметь постоянный доход.

Павильон Недеяния достиг своих размеров во многом благодаря множеству банков, постоянных дворов и прочих владений.

— Ха-ха-ха, любишь ты богатство. Что ж, тогда жалую тебе поместья в столичном пригороде. Так и дома побыть сможешь подольше, и сестре составишь компанию.

— Благодарю Ваше Величество за милость.

Поблагодарив, Тан Юань увидел, что император, словно завершив сегодняшнее важное дело, повелел всем пировать и веселиться, а сам удалился, и главный евнух повёл его из сада.

Жёлтый край одежды мелькнул у садовых ворот и растворился в густой ночной тьме.

— Ваше Величество, почему Вы...

— Не понимаешь, зачем я оставил его в столице?

— Не только его, но и генерала Юаня...

— Пока они скитаются по рекам и озёрам, они — помеха. Убрав камни с дороги, можно идти быстрее.

(Шестнадцать)

— Юань Сяо, быстро, выводи Большого Чёрного, вези меня в пригород!

В тот день ещё до рассвета из дворца прибыл щедрый указ, жалую Тан Юаню несколько поместий в столичном пригороде. Среди них были и императорские поместья, и два, что главный евнух приобрёл для старости, — всё теперь отошло Тан Юаню.

Видимо, император и вправду хочет, чтобы я остался в столице, — подумал Тан Юань.

Позавтракав, он помчался в усадьбу Юань Сяо, не стал дожидаться, пока слуга доложит, и направился напрямик во внутренний двор.

Юань Сяо упражнялся с мечом, но использовал не свой меч из лазурной стали, а сорванную с дерева ветку, на которой ещё держалось несколько листьев. Видно, встав поутру, он не взял меч, а просто обломал ветку.

Его внутренняя энергия шла широкими, размашистыми потоками, изливаясь подобно бурному паводку, поэтому только меч из лазурной стали мог её выдержать. Но его мечевые приёмы были невероятно утончёнными, достигнув степени великой простоты, возвращения к истокам. Кроме тренировок, никто, даже Тан Юань, не видел полного исполнения двенадцати давно прославленных путей Меча, разделяющего свет.

Изначально это было искусство меча, основанное на принципах «одним ударом рассечь поток воды, одним ударом разделить небесный свет, одним ударом расколоть небо и землю». Говорили, прародитель рода Юань мог одним ударом рассечь солнечный свет. Позже, переложив принципы на меч и добавив лёгкость и подвижность, он превратил «Меч, разделяющий свет» в искусство, способное и убивать незримо, и, отступая, вызывать встречный ветер и летящий снег. В полном исполнении это было невероятно зрелищно.

В руке Юань Сяо была ветка. Листья, не выдержав неукротимой энергии меча, давно покинули её, но благодаря невероятной плавности техники, увлекаемые потоком ци, они ещё вились рядом с веткой, не желая уплыть прочь.

Один взмах — и листья выстроились с веткой в одну линию, словно та стала длиннее.

Тан Юань, понаблюдав немного, почувствовал в руках зуд и крикнул:

— Мечом владеешь неплохо, давай скрестим пару приёмов? — И, не дожидаясь ответа, тоже обломил ветку и вступил в круг поединка.

Юань Сяо и не думал отвечать, лишь выправил хват ветки, и энергия меча внезапно стала острой. Листья, что до того нежно вились вокруг ветки, от этого изменения разорвались вдоль прожилок, рассыпавшись по двору, и лишь голая ветка уставилась на Тан Юаня.

Внутренняя энергия Тан Юаня шла по пути мягкой и безбрежной мощи — от неё возникало ощущение, будто перед тобой безбрежное море, спокойное на поверхности, но таящее в глубине водовороты и подводные течения, от которых становится не по себе. Поэтому Тан Юань редко пользовался оружием, обычно противясь врагу голыми ладонями. Один удар ладонью — и море вздымает волны, не уйти никому.

Но это не значило, что он не умел обращаться с оружием. Он мастерски владел экзотическим оружием — шахматными фигурами, знамёнами, что под руку попадётся. Систематически мечу он не обучался — детство ушло на лечение от яда и постижение искусства предсказаний. Но преимущество его было в поразительном понимании боевых стилей. Казалось, он рождён для воинских искусств — любой стиль, любой приём перед ним терял свою тайну.

Любое боевое искусство, проходя через его руки, могло быть воспроизведено на восемь-девять десятых. Плюс его личное умение мягкостью побеждать жёсткость создавало уникальный стиль. Вот он использует мечовой приём из Удана, а в следующий миг — шестовой из Шаолиня. Повороты стремительны, смена настолько быстра, что противник не успевает опомниться. Сражающийся с ним чувствует, будто его атакуют множество людей, да ещё и слаженно, встречая каждый удар.

Ветка в руке Тан Юаня, конечно, тоже была случайной, но в его руках она отличалась от ветки в руках Юань Сяо. У Юань Сяо ветка была подобна острому мечу, даже без вливания внутренней силы. У Тан Юаня же она оставалась просто веткой, под воздействием его внутренней энергии, подобной весенним водам, на ней даже проклёвывались новые почки, смотрящиеся совершенно безобидно, как и выражение его лица в тот момент.

Но Юань Сяо знал — с ним шутки плохи. Повернув запястье, он ударил по руке Тан Юаня, сжимающей ветку. Тан Юань не стал уворачиваться, лишь слегка напряг запястье, подбросил ветку вверх, делая вид, что хочет схватить руку Юань Сяо голой ладонью. Но тот, использовав силу, перевернулся и оказался у него за спиной, направив «меч» прямо в спину.

Тан Юань по-прежнему не уклонялся, воспользовался моментом, чтобы отвести его «меч» и прижался к его груди, ударив локтем назад, используя «Прижимание к горе». Его внутренняя энергия и так была чистой и мощной, а «Прижимание к горе» — приём, требующий огромной внутренней силы. Если бы тот удар достиг цели, даже практик «Золотой колокол» получил бы повреждения.

Юань Сяо, зная, чем это грозит, без сожалений отпустил «меч», встречной рукой применил малый захват, схватил руку Тан Юаня и, используя искусство перенаправления силы, развернул его локоть, так что удар не достиг цели.

Медленно рассказывать — быстро происходит. Тан Юань уже вырвался, потянулся поймать подброшенную ранее ветку, едва коснувшись её — и начал движение, описывая веткой полукруг.

На линии того полукруга Юань Сяо явственно ощутил прохладную влагу морского прибоя, сердце ёкнуло — дело плохо.

«Прилив лазурного моря».

Знаменитый приём Старца Лазурного Моря, которым тот однажды сметил половину мастеров на Турнире боевых искусств, после чего удалился, оставив лишь ослепительную легенду.

Против этого приёма нельзя ни наступать, ни отступать. Не видели ещё людей, бегущих

наперекор приливной волне, и не слышали о тех, кто сумел бы убежать от прилива. Но можно стать лодкой, плывущей поверх волн: враг нарастает — и мы нарастаем, враг отступает — и мы отступаем.

В «Мече, разделяющем свет» этот приём назывался «Луна над великой рекой». Исполняемый, он раскрывался широко и размашисто, словно полностью обнажая слабые места, но никто не мог ими воспользоваться, ибо, попав под влияние меча «Луны над великой рекой», начинаешь следовать за движениями владельца меча. Будь ты хоть трижды силен, если твой меч ведёт другой, как сможешь ты ранить?

«Пусть он силен — луна всё равно освещает великую реку».

<http://bllate.org/book/16265/1463595>